

Все присутствующие бросали косые взгляды на этого молодого человека в фиолетовых чиновничьих одеждах — ведь это был тот самый управляющий Военным приказом, которого император лично призвал к себе.

Когда император позволил ему поднять голову и ответить на вопрос, сидевшие впереди высокопоставленные чиновники наконец смогли разглядеть его лицо.

Его камень-склад был подобен нефриту, а выстроившиеся сосны — изумруду. Красотой своей он не имел равных во всем мире, и второго такого сыскать было нельзя. Да, древние мудрецы описывали в точности такого человека, как этот новый управляющий Военным приказом, стоявший перед ними.

Император и сам не ожидал, что внешность этого юноши окажется столь незабываемой. Он даже засмотрелся, и на мгновение в зале заседаний воцарилась зловещая тишина.

Аньпин-хоу легко кашлянул два раза, возвращая придворных из мира грёз.

Поняв, что только что выказал неуместную растерянность, император сделал вид, что ни в чем не бывало, полулежа откинулся на спинку драконьего трона и с улыбкой произнес:

— Уважаемый министр, оставь этикет, встань с колен. Надеюсь, дорогой Цзинь отдастся делу Военного приказа всем сердцем и душой и не пожалеет сил ради служения нашей династии. Иначе все старания Аньпин-хоу порекомендовать тебя окажутся напрасными.

— Ваш слуга подчиняется воле императора, — столь же прекрасный, как и его лицо, голос разнесся под сводами просторного Зала Цзиньлуань.

Среди шеренг чиновников Бай Юйхуэй так и не поднял головы. Он стоял в третьем ряду, слева от него находился заместитель министра наказаний, а еще левее — тот самый новый управляющий Цзинь Линьюэ, который только что отвечал императору, стоя на коленях посреди великого зала.

Заместитель Ли из Министерства наказаний искренне восхитился:

— Этот управляющий поистине хорош собой. Пожалуй, уступает он разве что тебе, министр Бай, — сказав это, он бросил взгляд на погруженного в задумчивость Бай Юйхуэя.

На лице Бай Юйхуэя по-прежнему играла едва заметная улыбка, однако сегодня министр Бай выглядел в чьих-то глазах несколько иначе — заместитель Ли никак не мог понять, в чем именно дело.

После завершения утреннего доклада чиновники разошлись по своим ведомствам для несения службы.

Нового управляющего Цзиня мгновенно окружили приспешники правого премьер-министра.

Все наперебой и с величайшим энтузиазмом завели с управляющим Цзинем светские беседы, отчего создавалось ложное впечатление, будто они — старые друзья, встретившиеся слишком поздно.

Министр обороны почувствовал себя нездоровым, и император прислал паланкин, чтобы доставить его обратно в управу Военного приказа.

Остатки снега на земле еще не до конца растаяли, и тонкая ледяная корка отражала золотыми бликами пробивающееся весеннее солнце.

Внезапно нога носильщика по правую руку поехала, и он с глухим звуком сорвался с места, падая вперед вместе с паланкином.

Услышав крик носильщика, чиновники, еще мгновение назад обступавшие Цзинь Линьюэ, мгновенно разбежались в разные стороны, оставив ошеломленного Цзинь Линьюэ стоять в растерянности на прежнем месте.

Хлобысь! Споткнувшись, носильщик плашмя рухнул прямо у ног Цзинь Линьюэ.

Забыв о боли в коленях, носильщик принялся отчаянно колотить лбом о ледяную корку, умоляя господ о снисхождении.

Хотя министр обороны чувствовал себя неважно, падение выдалось на редкость болезненным. К счастью, он отличался мягкосердечностью: заметив, что у носильщика на лбу выступила кровь, он лишь сурово отчитал его за пару слов и решил не продолжать разбирательство.

Паланкин снова подняли. Носильщик по правую руку ковылял следом, стиснув зубы и преодолевая боль — зрелище было жалостливое.

Цзинь Линьюэ огляделся по сторонам и среди множества удаляющихся спин выделил одну фигуру.

Этот человек в красных чиновничьих одеждах шел крайне медленно. Слово почуяв взгляд Цзинь Линьюэ, он остановился, слегка повернул голову, взмахом руки заслонился от слепящего солнца и зашагал дальше.

Цзинь Линьюэ легко усмехнулся. Воспользовавшись тем, что никто на него не смотрит, он поднял с земли какой-то предмет, спрятал его в рукав и последовал за паланкином.

С тех пор как старого министра предали казни по закону, сотрудники Военного приказа дни напролет ходили унылыми и потерянными: телом они присутствовали на службе, но мысли их витали бог весть где в поисках праздности и развлечений.

Особенно новый министр, присланный самим государем: мало того что он перешагнул полувековой рубеж, так еще и отличался отменным нездоровьем. На него глядя, невольно охватывала паника — казалось, в следующую же секунду он отправится распивать вино со старым министром.

Вмиг боевой дух Военного приказа пал ниже некуда.

Потому, когда господин министр обороны ввел в ведомство Цзинь Линьюэ, лишь один уборщик почтительно поприветствовал их поклоном и молча отошел в сторону.

Остальные занимались кто чем: кто подпирал щеку и сладко зевал, кто сидел на корточках под столом и резался в кости, кто закинул ноги на столешницу и зачитывал пьесу. Каждый был занят делами, не имеющими к Военному приказу никакого отношения, и прибытия гостей у входа никто даже не заметил.

Министру обороны стало не по себе. Собравшись с силами, он рявкнул:

— Безобразие! Чем вы занимаетесь в рабочее время?!

Все вокруг задрали головы, желая посмотреть, кто это старик вздумал устраивать нагоняй на ровном месте.

И тут же увидели стоявшего за спиной министра молодого человека.

Управляющий Военным приказом? Это он?

Любитель покидать кости торопливо вылез из-под стола, отряхнул пыль с одежды, поправил чиновничью шапку и с улыбкой произвел приветствие:

— А, министр, вы прибыли. А это кто?

Министр обороны медленно приблизился к креслу и с гордостью объявил:

— Это господин Цзинь Линьюэ, управляющий, лично назначенный императором. Отныне мы будем трудиться бок о бок, помогая друг другу и достигая успехов вместе. Поглядите на господина Цзиня: лицом пригож, стаен, да к тому же пробился в наш Военный приказ собственными силами. Раз император направил его к нам, значит, возлагает на нас большие надежды. Воспряньте духом и верните Военному приказу его былую славу!

Цзинь Линьюэ мягко улыбнулся присутствующим, и те на секунду замерли.

Наиболее сообразительные мгновенно во всем разобрались.

Хотя он звался лишь управляющим, всем уже было известно о шатком здоровье министра обороны. К тому же он стар годами, умом уже не так свеж, и занять пост министра в столь критический момент — мера вынужденная и временная.

А вот должность управляющего обсуждали и перетасовывали так долго, пока император лично не назвал имя Цзинь Линьюэ. Похоже, парня решили обкатать в деле, чтобы затем передать ему кресло министра обороны.

В конце концов, главы других ведомств едва достигали тридцатилетнего возраста, а их собственному министру перевалило за пятьдесят — тягаться с хитрецами в политических интригах ему было уже тяжело.

Тем не менее, Шесть министерств должны были сохранять относительное равенство сил, иначе между ними нарушился бы баланс. Так что появление Цзинь Линьюэ было призвано заткнуть эту брешь в Военном приказе.

Сообразив это, расторопные подчиненные тут же бросились протирать для Цзинь Линьюэ стол и стул, усадили его, поднесли чаю — всё делалось с такой привычкой, словно они служили половыми в трактире.

— Благодарю вас.

Несколько человек поспешно расплылись в улыбках:

— Что вы, господин управляющий, не извольте стесняться! Раз уж ступили на порог Военного приказа, все мы теперь одна семья. Если впредь понадобятся наши услуги — только скажите, мы в лепшию расшибемся.

— Благодарю, — вежливо улыбнулся Цзинь Линьюэ.

— В таком случае попрошу вас отыскать списки призыва этого года. Заранее спасибо.

— Сейчас всё будет, сию минуту принесу!

Старый министр с умилением наблюдал, как эта молодежь быстро нашла общий язык, и на душе у него сделалось необычайно легко.

Не удержавшись, он отдал распоряжение:

— Господин управляющий, я хвораю и вынужден удалиться на покой. Все дела Военного приказа отныне целиком и полностью переходят в твои руки. Если возникнут вопросы, в которых не сможешь разобраться, присылай людей ко мне.

Цзинь Линьюэ поднялся, сложил руки в приветственном жесте и произнес:

— Слушаюсь, ваша светлость.

У старого министра от радости задержались усы: молодой человек оказался на редкость вежливым, из него выйдет толк.

После нескольких погожих дней снег на дорогах окончательно растаял.

Бай Юйхуэй лениво вышагивал по тихой чиновничьей улице, наслаждаясь редкими минутами покоя.

Сзади повеяло холодом, и в тот же миг на плечо Бай Юйхуэя опустилась тяжесть человеческого тела.

Заместитель Ли из Министерства наказаний сменил парадное платье на серебристо-белую лисью шубу и повис на Бай Юйхуэе наподобие ленивца. С ухмылкой на лице он затынул:

— Министр Бай, тебе холодно? Хочешь, я тебя согрею?

Бай Юйхуэй усмехнулся. Спрятав руку в рукав, он безошибочно нащупал талию заместителя Ли, с силой ущипнул его и продолжал с той же легкой улыбкой:

— Заместитель Ли, имей совесть. С твою благоверную мне лучше не злить.

Услышав словосочетание свирепая тигрица, заместитель Ли словно оглох от резкого звона в ушах и замер на месте.

Пока он хлопал глазами, Бай Юйхуэй успел отойти на десяток с лишним шагов.

Заместитель Ли суетливо бросился вдогонку, заискивающе приговаривая:

— Прошлая оплошность моя, не следовало мне вешать на тебя всех собак. После я страшно раскаивался: свали я ту вину на министра Чэня, глядишь, моя домашняя фурия не посмела бы распускать руки.

Бай Юйхуэй едва заметно дернул уголком рта.

Министр Чэнь из Министерства финансов?

Супруга заместителя Ли славилась крутым нравом, сварливостью и ревнивостью, к тому же владела боевыми искусствами, так что совладать с ней заместитель Ли не мог.

Стоило этому заместителю Ли тайком отправиться в квартал красных фонарей выпить вина да обнять красавицу, как жена тут же узнавала об этом и устраивала грандиозный скандал.

Опасаясь карающей линейки в руках жены, заместитель Ли обычно придумывал какого-нибудь

чиновника, чтобы свалить вину на него.

В последний раз разболтавшийся заместитель Ли в качестве громоотвода назвал имя Бай Юйхуэя.

Должно быть, зная о тесных связях Бай Юйхуэя с ее мужем и будучи с ним несколько знакома, госпожа Ли прихватила служанок и явилась в поместье Бай устраивать погром.

В тот момент Бай Юйхуэй еще не подозревал о свалившейся на него напасти: расположившись на скамье под галереей с томиком древней книги в руках, он погрузился в чтение. Лишь когда вопли госпожи Ли перешли на визг, он наконец сообразил, что принял на себя чужую вину.

Бай Юйхуэй тихонько усмехнулся, подошел к госпоже Ли и неторопливо произнес:

— Матушка, так голосить — право слово, ронять свое достоинство.

Заметив, что Бай Юйхуэй хрупче ее самой, а лицо его при этом неизменно расплывается в мягкой благожелательной улыбке, госпожа Ли и вовсе задрала нос:

— Достоинство? Министр Бай, раз вы человек благородный, так почему же таскали моего мужа по заведениям разврата? Неужто не боитесь запятнать безупречную репутацию и лишиться лица? Тьфу! А я-то, глядя на ваши ученые манеры, думала, вы человек честный, а оказалось — такой же гуляка, что не в силах совладать со своими страстями!

Бай Лань как раз переносил стопку древних манускриптов в переднюю залу. Услышав брань, он наугад вытащил из кипы том местных преданий и швырнул им в стоявшую за спиной госпожи Ли служанку.

Служанка с криком рухнула на пол, скривясь от боли.

Увидев это, госпожа Ли разъярилась пуще прежнего:

— Чья собака дала тебе смелость поднимать руку на моих людей?! — взвизгнула она, засучивая рукава и бросаясь в драку.

Бай Лань тоже относился к тем, кто вспыхивал от малейшей искры. Сбросив книги на землю, он принял боевую стойку, вид которой так и говорил: сунься только — убью на месте.

В момент, когда противостояние достигло накала, Бай Юйхуэй неторопливо подогнул колени, поднял запылившуюся книгу записок и тихо отдал приказание стоявшему неподалеку управляющему:

— Передайте имперской страже: за незаконное проникновение в частное владение и учинение беспорядков — скрутить и выдать сорок палок. Ах да, госпожа Ли — особа знатная, с ней нельзя обращаться как с уличной рванью, так что пусть будет шестьдесят палок. А как

выживет — в тюремную яму на пару дней. Кроме того, известите заместителя Ли, что он может готовиться к новой свадьбе.

Госпожа Ли никак не ожидала, что с лица этого улыбчивого человека могут слететь столь жестокие слова. Ее воинственный пыл мгновенно угас наполовину.

Пару секунд помолчав, она вспомнила частые наставления мужа: с кем угодно связывайся, только не с министром чинов Бай Юйхуэем — этот тот самый тип, который заставит тебя закрыть глаза, даже не дав понять за что.

Но вспоминать об этом было уже поздно.

Впрочем, каяться в такой ситуации означало окончательно потерять лицо.

Управляющий уже направился за имперской стражей, как вдруг столкнулся с бежавшим бегом заместителем Ли.

Едва переступив порог двора, заместитель Ли закричал на ходу:

— Погодите, погодите! Брат Бай, прояви милосердие!

Бай Юйхуэй холодно усмехнулся:

— Если заместитель Ли прибыл с мольбами о прощении, то напрасно стараетесь. Ваша почтенная супруга ведет себя излишне дерзко: ворвалась в мое поместье, оскорбила министра, — не проучим мы ее как следует, глядишь, завтра она и во дворце дебош устроит. А тогда ей преподнесут уже белую шелковую ленту либо чашу с ядом.

Говорил Бай Юйхуэй негромко, без малейшего гнева — так спокойно и непринужденно, словно они беседовали за обеденным столом. Однако в уши супругам Ли эти слова ввинчивались ледяными сосульками.

Госпожа Ли давно онемела от ужаса, ее пальцы в широких рукавах задрожали. К счастью, заместитель Ли вовремя подскочил сзади и прижал ее к груди.

Прибегнув ко всяческим уговорам, клянясь небом и землей и рискнув остатками своей репутации, заместитель Ли все же заставил Бай Юйхуэя отменить приказ об отправке за стражей.

Уже на пороге поместья Бай Юйхуэй бросил им в спину холодную фразу:

— Госпожа Ли, не забывайте о своем происхождении.

И правда: минуту назад она кричала Бай Юйхуэй, чтобы тот помнил о чине, а сама забыла о собственном?

Ее муж всего лишь заместитель, а Бай Юйхуэй — почтенный министр, стоящий много выше и пользующийся особым расположением левого премьер-министра.

Как ни крути, а истинной нарушительницей приличий являлась именно она, госпожа Ли.

С той поры госпожа Ли вела себя тише воды ниже травы.

Вспоминая ту сцену сейчас, Бай Юйхуэй вновь почувствовал, как у него непроизвольно задергался угол глаза.

Надо же иметь такую наглость — подставить министра финансов! Заместитель Ли явно родился в рубашке, ведь тот министр доводился родным кузеном самому главе Министерства наказаний...

— Министр Бай, в знак моих самых искренних намерений разреши мне угостить тебя сегодня вечером ужином в Ресторане Цзюйфэн, а? — заместитель Ли, словно прилипчивый пес, цеплялся за его рукав, давая понять, что не отступится, пока не получит согласие.

— А кто еще будет? — поинтересовался Бай Юйхуэй.

— Никого лишнего, только наши ребята. Ты — главный гость, остальные соберутся лишь для того, чтобы прислуживать тебе. Иначе как я смогу загладить свою вину?

Бай Юйхуэй вздохнул:

— Ладно.

Луна поднялась к вершинам деревьев, звезды усыпали небосвод, а морозный воздух по-прежнему напоминал всякому выходящему на улицу, что февральские холода — вещь нешуточная.

Бай Юйхуэй в темно-синей меховой шубе шел впереди, а Бай Лань в черном плаще следовал за ним, не переставая бубнить себе под нос:

— И этот господин Ли хорош! Раз приглашает господина выпить, почему не прислал за ним паланкин? В такую стужу подхватить простуду — разве он возьмет это на себя?

Бай Юйхуэй тихо рассмеялся:

— Бай Лань, в последнее время от тебя слишком много ворчания. Что тебя так задело? Того дня у городских ворот, когда ты раздал парочку пощечин, оказалось недостаточно, чтобы выпустить пар? Понимаю: уличные коты в пору весеннего гона орут точно так же. Уж не

думаешь ли ты...

— Хозяин, да какая у меня злость, просто... Ладно-ладно, раз я вам надоел, то закрою рот, так годится?

Ресторан Цзюйфэн располагался в самом оживленном квартале города. Возвышаясь на четыре этажа, он сиял тысячами огней и в ночной темноте представлял собой поистине живописное зрелище.

Бай Юйхуэй: Младший соученик, я хочу добавить интима в сцену.

Цзинь Линьюэ: Погасим свет — добавим чего угодно.

Автор: Мне билеты продавать? Разрыв продаж гарантирован!

Бай и Цзинь: Пошел вон!

Автор: Слушаюсь.

Я ведь тоже хочу клубнички... но цзиньцзян не разрешает, увы-увы.

Издали, через полуоткрытое окно третьего этажа, Бай Юйхуэй заметил высунувшегося по пояс из окна заместителя Ли. Размахивая руками, тот звал на весь голос:

— Минъюнь, сюда, сюда! Не хватает только тебя, поднимайся скорее!

Минъюнь — таково было второе имя Бай Юйхуэя. Во время сборищ вне стен дворца, чтобы излишняя строгость не портила атмосферу, знакомые обращались друг к другу по вторым именам.

Стоя у входа в Ресторан Цзюйфэн и задрал голову на сияющие золотом три иероглифа, Бай Юйхуэй поймал себя на мысли: «Богатеи, ничего не скажешь».

Послушный мальчик-слуга с поклоном провел обоих обитателей поместья Бай на третий этаж.

Едва они переступили порог, как голос заместителя Ли снова зазвучал:

— Вэньян, ну нельзя же так пренебрегать уважением к товарищам! Все мы здесь такие радушные, если ты отвернешься от нас, как мы потом станем единой семьей?

— Неужели брат Вэньян считает нас столь незначительными людьми, что ради нас не стоит осушить этот кубок? — подлил масла в огонь не кто иной, как министр финансов Чэнь — тот самый, на которого днем чуть было не повесил всех собак заместитель Ли.

Ускорив шаг, Бай Юйхуэй вошел в отдельный кабинет и объявил:

— Прошу прощения, опоздал. Эту чашу я выпью в наказание сам.

Не дожидаясь реакции присутствующих, Бай Юйхуэй сам схватил стоявшую ближе к нему чужую чашу и осушил ее единым духом.

Поставив пустой сосуд на стол, он изобразил крайнее удивление:

— Ого, неужто это сам новый любимчик двора, управляющий Цзинь? Как же вас уговорило занести сюда сегодня? — произнес Бай Юйхуэй, бросив лукавый взгляд на заместителя Ли.

Поймав этот упрекающий взгляд, заместитель Ли поспешно усадил Бай Юйхуэя на место и принялся оправдываться:

— Вообще-то я устроил этот малый пир, чтобы искупить вину перед министром Баем, но по дороге случайно встретил управляющего Цзиня, прогуливавшегося по ночному базару. Грех было упускать такую счастливую встречу и не позвать его присоединиться к нам. Скажи ведь, министр Бай?

Отдав несколько указаний Бай Ланю, Бай Юйхуэй с улыбкой отозвался:

— Разумеется. Заместитель Ли всегда славился охотой до новизны, мы все об этом знаем.

Уши заместителя Ли мгновенно залились краской.

Остальные сидевшие за столом чиновники также принадлежали к партии левого премьер-министра. Хорошо зная друг друга, они сразу поняли, что Бай Юйхуэй поддразнивает заместителя Ли, и теперь с полуулыбкой наблюдали за тем, как багровеет его лицо под градом насмешек.

Решив больше не терзать бедолагу, Бай Юйхуэй перевел взгляд на человека, сидевшего напротив.

Одетый во все белое, тот восседал при свете ярких светильников столь прямо и неподвижно, будто буддийский монах, погруженный в глубокую медитацию.

Его волосы были собраны на макушке в высокий пучок, отчего и без того маленькое лицо казалось еще более юным.

Белокожий, с алыми губами, он светился изнутри ясным сиянием глаз.

Их взгляды встретились, и Цзинь Линьюэ, до того слегка раздраженный настойчивыми уговорами заместителя Ли выпить, вдруг улыбнулся.

Заместитель Ли и остальные опешили.

— Министр Бай, я вовсе не имел намерений нарушать вашу компанию. Выпью эту чашу — и откланяюсь.

С этими словами Цзинь Линьюэ уже поставил пустой кубок на стол, отступил на шаг и, отвесив легкий поклон, собрался уходить.

Уголки губ Бай Юйхуэя приподнялись в лукавой улыбке:

— Господин Ли, гляньте-ка: вы обидели господина управляющего. Смотрите, завтра пожалуйсь левому премьер-министру — он с вас шкуру спустит.

По коже заместителя Ли пробежали толпы мурашек. Практически в мгновение ока он преодолел разделявшее их расстояние и преградил дорогу управляющему Цзиню.

В чем-чем, а в искусстве устраивать скандалы, канючить и вымаливать заместитель Ли не имел себе равных во всей столице.

Прекрасно поняв смысл слов Бай Юйхуэя — задержать гостя, — он действовал без промедления.

Пусть он сам не улавливал до конца, зачем понадобилось удерживать управляющего Цзиня, но правило «сначала задержи, а там разберемся» еще никого не подводило.

Не сумев противостоять уговорам заместителя Ли, Цзинь Линьюэ вернулся на свое место. Подняв глаза, он встретил пристальный взгляд сидевшего напротив Бай Юйхуэя, подпиравшего щеку рукой.

— Вэньян? Я слышал, так вас назвал господин Ли. Это второе имя господина управляющего?

— Именно так.

— Прекрасное имя.

Заместитель Ли, устроившись рядом с Цзинь Линьюэ и прислушивающийся к их странноватому диалогу, тихонько толкнул локтем сидевшего поодаль министра Чэня:

— Скажи-ка, какую это пьесу они разыгрывают?

Министр Чэнь, поигрывая кубком с вином, холодно усмехнулся:

— Пока это не пир вбэньмэнь, тебе какая разница, что за пьеса?

— Мое имя — Минъюнь. Мин — означающее свет, и Юнь — означающее справедливость.

— Прекрасное имя.

Сообразив, что если они продолжают в том же духе, то поданная к столу рыба в кисло-сладком соусе окончательно остынет, заместитель Ли хлопнул в ладоши, призывая для развлечения танцовщиц с гибкими станами.

За бамбуковой занавеской красавицы перебирали струны цитры, и их нежные голоса звучали особенно чисто и звонко в зимнюю пору.

Все то поднимали кубки за здоровье друг друга, то переговаривались вполголоса с легкими улыбками — царила полнейшая идиллия.

Кувшины с вином меняли один за другим, и постепенно хмель начал туманить головы.

Бросив взгляд на темнеющее за окном небо и сообразив, что если он задержится дольше, то дома снова не миновать скандала, заместитель Ли покачнулся, оперся руками о столешницу, поднялся с места и, воздев кубок, провозгласил:

— Ну что ж! Этим кубком мы еще раз приветствуем нового управляющего в наших рядах! Желаем ему гладкой карьеры и безоблачного будущего. Господин управляющий, как выдастся свободная минутка — заглядывайте к нам почаще!

<http://bllate.org/book/21823/2259727>